

В конце января 1945 года я несколько дней находился в командировке на одном из предприятий Ленинграда, на Выборгской стороне.

В один из рабочих дней оказались два часа свободного времени. И поскольку предприятие находилось недалеко от Политехнического института, с которым были связаны три года моей студенческой довоенной жизни и из которого я был направлен в июле 1941 года в артиллерию, то решил хотя бы взглянуть на корпус этого родного мне учебного заведения.

Осмотрев территорию, я зашел в химический корпус. Все было также, как и до войны: шкафы с минералами, чистый паркетный пол, сосредоточенные студенты у окон коридора... Я шел по коридору спустя почти 34 года. Где-то здесь должен был мой товарищ, институтский одноклассник, Леонид Андреевич Панюшин, ныне кандидат технических наук, доцент, с которым мы последний раз виделись в 1958 году в Москве.

У сидящей одиноко студентки узнал о местонахождении кафедры общей металлургии, пошел я... у окна неожиданно увидел Леонид.

Мы не удержались — обнялись. Слезы радости появились на глазах. Зашли в кабинет, я покурив, пока Леонид Андреевич проконсультировал студентов, а когда остались одни, стали задавать наперблюд друг другу вопросы и торопливо коротко отвечать. Узнал, что Рашид Уразгалиев здесь, приехал Сергей Чучмаев (наши одноклассники), пожалел, что не смог увидеться. Я торопился: у меня оставалось всего 30 минут.

— Лена, я помню Григоринполь на Днестре, нашу встречу в апреле 1944 года? — спросил я.

— А как же! — радостно ответила Леонид, глаза его засветились, и мне показалось, что он перенесся на мгновение в те далекие дни боев на Днестре. Да, те годы нельзя забыть. Шла Великая Отечественная война.

...Начало войны нас, студентов металлургического факультета, застало в учебной комнате общежития на Лесном. Нам оставалось сдать последний экзамен, чтобы стать студентами четвертого курса. Но это в тот год не произошло. Около часа дня в

ВСТРЕЧИ НА ФРОНТЕ

учебку зашел наш одноклассник Демидов, высокий темноволосый парень, и, обращаясь к нам, сказал:

— Все, ребята, складывай книги. С утра идет война с Германией, я только что слышал по радио обращение правительства к народу.

...Начала мы рыли окопы под Териоками, шли на стадионе и в Лесотехнической академии под руководством нашего преподавателя М. М. Ботвинника, затем вступили добровольцами в истребительный батальон, а в середине июля Леонид и я были направлены в 3-е Ленинградское артиллерийское, которое находилось тогда в корпусах сегоднейшей аркадемии. И понесло нас по дорогам тяжелых военных испытаний.

И вот апрель 1944 года. Наши части вышли в г. Григоринполь на Днестре. Надвигались сумерки. Я направился на одну из батарей. Противник короткими очередями был с правого берега зажигательными пулями по крышам домов. Несколько изб горе-

ло, по улицам проскакивали на больших скоростях машины. Солдаты, пригнувшись, перебежали от дома к дому. Я завернул за угол и... о чудо! — увидел Леонида Панюшина, старшего лейтенанта, коренастого, крепкого гимнаста, в гимнастерке, пропотаевшей в боях и походах, в сапогах и с планшеткой.

Путь наши разошлись летом 1942 года после окончания училища в Костроме. Я был направлен на Калининский фронт, а Леонид — под Сталинград. Мы ничего не знали друг о друге.

И вот — встреча. Мы стояли обнявшись. Ни горящих изб, ни дыма, ни трескотни пулеметов мы не замечали и не слышали. Вопросы, ответы, слова, слова, короткие фразы. Главное — мы оба живы. Он командир гаубичной батареи дивизии 214, я — начальник штаба дивизии 9. Но война есть война. Спустя несколько минут мы расстались. Было много и у него, и у меня. У нас были люди, за судьбы которых мы несли ответственность.

НА СНИМКЕ: группа курсантов после окончания Костромского военного училища перед отправкой на фронт. Стоят (слева направо): 4-й — Вышеславцев (ЛПИ), 5-й — Яковлев (ЛПИ), 6-й — Басов (ЛПИ), 7-й — Панюшин (ЛПИ), 11-й — О. Малюков (ЛПИ). Сидят (слева направо): 2-й — А. М. Гудков (ЛПИ), 6-й — Н. М. Просолов (ЛПИ).

На другой день я стоял на левом, высоком берегу Днестра, этой полноводной, широкой, красивой водной артерии шедшего юга нашей Родины. После неудачной попытки форсировать реку в районе Григоринполя нашу дивизию перебросили на несколько километров южнее, где нашим частям удалось переправиться на правый берег, развитый успех и создать небольшой, километра 3 в глубину и километра 4 по фронту, плацдарм.

На этот плацдарм перебрасывались резервы, в том числе и тяжелые орудия. Я ожидал подхода гаубиц нашего дивизиона и одновременно наблюдал за переправой прибывших подразделений и за другим берегом, где переправлялся по понтоному мосту пехота и артиллерия, в том числе и наши пушечные батареи, как муравьи, разбегались вдоль берега; упряжки с орудиями, погоняемые ездовыми, переплывали через небольшие береговые насыпи и рвы, а где и гапоном, уходили вправо и в глубину плацдарма, туда, где шел бой.

Тяжелая весна досталась нам на Днестре.

Вскоре после майских праздников, дважды переправившись через Днестр — второй раз у г. Рыбинца — и Прут, мы перебрасывались в Румынию. Где-то был Леонид? Я отрывался, как мне казалось, от моего товарища. Вель были рядом, надеялся встретиться в более спокойной обстановке, поговорить о товарищах-студентах, узнать их судьбы, вспомнить училище, да и вообще было о чем поговорить после двухлетней разлуки, да еще таких огненных лет. Но шла война, война беспощадная, и наши маршруты определяли не мы сами.

...Крутые подъемы и спуски. Движемся по сильно пересеченной местности. Под нами — румынская земля. Машины на марше идут в несколько рядов: они уже не помещаются на дороге и прокладывают колеи рядом. Те, что помощнее, — «студбеккеры» — обгоняют старенькие ЗИС-5. Кое-где солдаты спешились и, подталкивая, помогают машинам тащить орудия. Я сижу в неизменном ЗИСе, гудит мотор

на больших оборотах медленно, но ползет, у всех приподнято, гоняет машина с ядром слышу: «Огонь на подложке «Студбеккеры» — крик на направлении? Доносчик: «Яс...сы!» «А я...чеш...ти!» — кричу в скачии Леонида, подбегает машина. Несколько минут, сы, ответы, и... снова слыш.

И так мы в общемники и бойцов, колонны час без сна и отдыха, мы, то просто на марше на Запад, при Пободе. И не знали что следующая наша дет лишь спустя много войни.

В боях на Сандомирдарме в Польше и в дении г. Ченстохова вни Андреевич, были дом, границу Германии где-то в одном районе рованный нашими г. Бреслау одноклассный каждого со своего вного пункта. Одновременно жинали тяжелые бои, лись успехам на общ войни. Вель дивизию многих бои участвоватве одной армии — лейской, рожденной в Сталинградом в сентяда.

Не миновали мы боев на Одере, где обнени. Но мне повезло бризантной гранаты влен, смял «звездочку», всю. Спасла меня тогда Звезда от тяжелого г. Леонида Андреевича впитале выключил: извлек, залечили раны нерс с танками врага.

Обо всем этом, о ппутях-дорогах войны, совсем недавно, когда ставили нас оглянутоденный путь.

30 лет прошло, посто до сих пор живу события военных лет, боевых, с которыми тяготы войны и удивленисти Победы, нельзя когда. Они остаются всю жизнь.

О. М. полковник-инженер